

18+

Кузьма Медичи
и Розарио Михалков

Неизвестный портрет Караваджо

Кузьма Медичи

Неизвестный портрет Караваджо

«Издательские решения»

Медичи К.

Неизвестный портрет Караваджо / К. Медичи — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-673867-6

Неповторимый приключенческий сюжет и острая сатира абсурда западной толерантности делают произведение притягательным для читателя. Авторы — провокатор, авантюристы и фантазёры — выходят за рамки классического жанра приключений, делая книгу более насыщенной и живой. В книге много реальных персонажей, живущих в наши дни. Поэтому все совпадения не случайны. Но несмотря на такие пёстрые перипетии авторы максимально старались придерживаться исторических фактов и логических действий героев.

ISBN 978-5-00-673867-6

© Медичи К.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая.	6
Глава 1. Выбор и подготовка экспедиции	6
Глава 2. Чудеса в океане	13
Глава 3. Ренессанс головного мозга	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Неизвестный портрет Караваджо

Кузьма Медичи
Розарио Михалков

Переводчик Сергей Кулаков

© Кузьма Медичи, 2025

© Розарио Михалков, 2025

© Сергей Кулаков, перевод, 2025

ISBN 978-5-0067-3867-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая.

Невероятные приключения научной экспедиции

Глава 1. Выбор и подготовка экспедиции

Ректор взял молоток и как заправский судья постучал им по столу кафедры: в помещении уже стоял гул в предвкушении заседания научного совета университета. Ректор был самым типичным в нашем представлении человеком, занимающим эту должность. Уже не молодой, чуть более пятидесяти лет, с небольшим пивным брюшком, проседью на висках и, как водится в таком возрасте, – в очках. Однако это не мешало ему блестяще руководить одним из сильнейших университетов США. Тонко разбирающийся в психологии людей, их возможностях и совместимости, он был уважаем не только как учёный, но и как руководитель, что случается в жизни редко. Он решил созвать научный совет, ибо вопрос, который он выносил на обсуждение, требовал именно коллективного решения, а не его личного. Сделано это было умышленно, чтобы лишний раз подчеркнуть свою демократичность и не озлоблять определённую часть подчинённых. Управлять таким советом в ходе дискуссии он хорошо умел и принимать, как он считал, правильные решения тоже. А вопрос, стоящий на обсуждении совета, был очень даже непростой. Кто из представителей университета поедет в джунгли Амазонки в составе небольшой группы в научную экспедицию по изучению как флоры и фауны, так и первобытных племён? Зная, что желающих будет много и каждый из претендентов может обосновать своё нахождение в выбранной группе, он решил ограничить число претендентов, установив определённые рамки отбора кандидатов. Ибо экспедиция не ожидалась в виде продолжительного увлекательного отпуска за счёт университета, а предстояла временами тяжёлая работа: заниматься банальным физическим трудом в местности, где нет удобств цивилизации, и в первую очередь бытовых, да ещё и климат вносил свои поправки в общее самочувствие группы исследователей.

– Итак, уважаемые коллеги, я вас собрал по вопросу, который каждому из вас очень важен и интересен. Нам нужно выбрать трёх кандидатов в научную экспедицию на Амазонку, – произнёс он и оглядел с чуть злорадной ухмылкой всю аудиторию. – Предлагаю вам, коллеги, остановиться на кандидатуре врача, биолога и геолога, а вот четвёртого члена экспедиции я подобрал сам... – Удержав небольшую паузу и глядя в зал на своих коллег, он продолжил: – Эта кандидатура точно вызовет у вас полное одобрение – это наш механик, электрик, сантехник и т. д. и т. п. Это наш любимый и незаменимый Мигель!

Перечислением достоинств Мигеля ректор, уже как заправский шоумен, подвёл аудиторию к кульминации.

– При выборе кандидатов прошу всех руководствоваться принципами более широкого спектра решаемых ими проблем, а не узкой направленности, как вы сами понимаете. Также кандидаты должны иметь хорошее здоровье и не быть обременёнными семейными проблемами. – Сказав это, он сразу представил себе группу, где не должно быть ни половой, ни расовой проблемы при взаимоотношениях.

– Итак, идя сюда, думаю, наши кафедры медицины, биологии и геологии уже выбрали достойных, и мы можем переходить к голосованию. Прошу представителей кафедр подать мне конверты с фамилиями кандидатов.

Ожидая конверты, он ощутил миг непонятного чувства хаоса, но эта мимолётность улетучилась так же быстро, как и пришла, оставив след гримасы на его лице.

– Итак, господа, от кафедры медицины нам предлагают двух кандидатов. Это всем нам известная доктор-стоматолог, что будет в Амазонке очень актуально, а по второй специальности она хирург. Это госпожа Сара Либерман («Правда, не по возрасту ей эта экспедиция, – заговорил червячок в голове ректора. – Ей уже шестьдесят стукнуло»). И альтернатива ей – мистер Джек Обраин, специалист в области гинекологии и травматологии, – произнёс ректор, открывая второй конверт от кафедры биологии.

– Ну, кафедра биологии ничего более умного не решила, как предложить своего незамеченного начальника мистера Грегга Смита как единственно достойного, – продолжил ректор, подумав про себя, что на кафедре все хотят избавиться от этого пёстрого мулата-начальника с его причудливыми поступками и привычками.

– И кафедра геологии нам предлагает... предлагает нам аж трёх кандидатов, а нужен только один, – с дежурным сожалением и безразличием далее объявил ректор. – Это мистер Тод Вильямс, мистер Брайан Скот и мистер Майкл Фьюри. – Называя последнюю кандидатуру, ректор подумал: «Вот, а эти хотят избавиться от своего единственного одарённого молодого гея». – Так, значит, голосуем по старинке, написав своих кандидатов на листе, и опускаем все листы в урну для голосования.

Ректор передал урну молодому аспиранту, и тот пошёл с ней по рядам. А ректор в это время впервые начинал понимать, что его опыт в психологии человека и знания коллег может дать осечку и в группу попадут совсем не те кандидаты, о которых он думал. Но решение уже принято, и отступать – значит терять свой авторитет. И вот парнишка-аспирант уже с полной урной возвращает её ректору.

Высыпав на стол бумажки вместо бюллетеней, вместе со своими заместителями он подсчитал голоса и понял, что произошёл грандиозный провал. Итак, группа состояла из слегка полноватой стареющей вдовы с мягким характером, харизматичного мулата предпенсионного возраста, молодого и энергичного гея и единственного, по мнению ректора, нормального мачо-латиноса с убийственно спокойным и крепким характером, которого, к счастью, выбрал он сам. Такого состава ректор не мог предположить даже в страшном сне.

«Вот до чего доводит излишняя демократия», – подумал он и, уже выйдя из аудитории, крайне раздосадованный, наедине с собой сильно проматерился. Теперь его волновал вопрос, как минимизировать расходы на данную экспедицию, чтобы провал был не таким болезненным. И первое, что пришло ему на ум, – это фрахт того рабочего судна, на котором экспедиция должна была отправиться из Нью-Йорка к берегам Бразилии.

Такая группа походила, по мнению ректора, больше на группу для реалити-шоу «И мы хотим полететь на Марс», но никак не для серьёзной экспедиции. Все эти люди были хороши в своих коллективах, но как группа, которая должна провести в экстремальных условиях Амазонки почти полгода, была крайне смешна и мало походила на единое целое. Этой озабоченностью он решил поделиться с единственным своим фаворитом в группе, длинноволосым мускулистым Мигелем, покорно ждущим его за дверями аудитории.

– Мигель, ты уж прости меня, но я сам не полагал, что результаты голосования окажутся такими. Ты их всех знаешь, и с каждым тебе придётся нелегко: кроме своих задач, добавятся несвойственные тебе нагрузки по психологической совместимости и физической помощи этим трём пёстрым экспедиционерам, – произнёс ректор, на последних словах оскалившись.

– Ничего, сэр, я справлюсь, в жизни бывали и похуже ситуации, – ответил Мигель, вспоминая свою молодость с колумбийскими повстанцами в джунглях.

– Одно радует, что они там уж точно не перетрахаются между собой, да и с местными аборигенами, думаю, тоже. Хотя лучше бы перетрахались, тогда хоть какое-то взаимопонимание в группе было бы наверняка, – добавил ректор, горько улыбаясь.

Предполагая провал экспедиции из-за вероятной психологической несовместимости, ректор поехал в порт для осмотра судна на предмет его фрахта. Увидев на причале судно,

готовое к погрузке всего добра для экспедиции, он подошёл к представителю морской компании, уже ожидавшему его, и спросил, больше переживая за казну университета, а не от своей собственной скупости:

– А нельзя что-нибудь подешевле у вас зафрахтовать? Ну, так, чтобы хватило только в одну сторону, а там пусть остаётся постоянным домом для местных аборигенов.

– Простите, а как же ваши коллеги назад вернуться? – возразил не желающий показывать откровенный хлам коренастый жадноватый менеджер, думая, правда, больше о своих комиссионных.

– А, ничего страшного. Там индейцы на пирогах вывезут их до ближайшего городка, где они найдут автомобиль до аэропорта.

– А как же имущество, которое они должны привезти назад? Ведь они берут тонны имущества, – поинтересовался удивлённый менеджер.

– Ну что вы мне задаёте такие вопросы, как будто сами туда собираетесь? Большая часть груза – это или провиант, или бытовые вещи, необходимые для экспедиции, и множество подарков для первобытного племени. Следовательно, более 90% всего груза останется там, в джунглях, – ответил ректор. – Самое ценное возьмут с собой: что-то в городе на обратном пути продадут, чем-то расплатятся за дорогу. А результаты своих исследований могут взять с собой домой по пятьдесят килограммов на каждого, но только, голубчик, прошу дать мне что-нибудь подешевле.

– Ну, хорошо, я вам покажу другое судно, но только заметьте, не я вам это корыто посоветовал.

И они вместе отправились в док для судов, подлежащих утилизации. Тут уже стояли суда, металл которых стоил больше, чем само судно.

– Ну вот, смотрите на этого «Летучего голландца», я даже знаю последнюю команду с капитаном, которая была на этом судне. Такие же свинтусы, как и само это судно. Но только они и никто другой согласится отправиться в море на этом корыте. И помните, никакая страховая компания не застрахует вас и судно.

Ректор, проходя с менеджером мимо этого старого судна, даже и не думал, что мужчина резко прервёт свой ход и повернётся на девяносто градусов именно к этому судну. Мысли ректора были уже впереди метров на сто – сто пятьдесят, где виднелись какие-то внешне весьма сносные суда. А такого поворота ни в прямом, ни в переносном смысле он не ожидал. И лишь остановившись, он почувствовал резкий запах тухлятины и солярки, исходящий от стоящего перед ним «Летучего голландца». Картину, конечно же, дополнял и вид этого судна, где из-за ржавчины уже было непонятно, какой цвет первоначально имело судно и какое название. От увиденного и унюханного у ректора перехватило дыхание, и он не сразу смог ответить.

– Простите, а что-нибудь положительное есть на этом судне, или всё такое ужасное, как выглядит внешне? – приходя в себя, спросил ректор.

– Есть! Это спецпредложение, которое мы можем вам дать по этому судну! – воскликнул менеджер.

– Простите, как вас зовут? – оправляясь от шока, поинтересовался ректор.

– Марио, сэр.

– Я так и думал, что вы выходец из Италии. Только итальянцы способны на такие фантазии. Думаю, и ваше предложение по фрахту этого корыта тоже будет таким же фантастическим, как и само судно.

– Ну, вы здесь попали в точку. Только для вас и только сейчас. Спецпредложение – вы можете фрахтовать это судно по цене металлолома, то есть по тому, сколько оно весит, плюс вы оплачиваете топливо и команду, а также комиссионные нам в размере пяти тысяч долларов. И никаких страховок, – приветственно-чётко протараторил Марио.

– Да вы посмотрите на днище. Там ракушек, мидий и прочей дряни поприлипало тонны две, как можно предлагать его мне по собственному весу!

– Это мы учтём и сделаем скидку на две тонны, что составит четыреста долларов. Но вы непременно захотите, чтобы на судне для ваших коллег были каюты и туалет. И эту вашу скидку мы готовы потратить именно на это.

– А что, на этом корыте нет ни туалета, ни кают? – открыл рот от удивления ректор.

– Да нет, они есть, но в последний раз там перевозили хорьков в клетках из Канады. А в туалете вместо унитаза только одна дырка и ведро, сами понимаете, какая команда этим судном управляла.

– Но вы гарантируете мне, что это судно дойдёт до Амазонки?

– Да, конечно! Но только договорённость устная и никаких контрактов.

Ректор взял паузу, чтобы просчитать в уме, сколько это будет стоить и сколько можно сэкономить, а также все риски. А затем произнёс:

– Хорошо, но вы мне сделаете четыре каюты и нормальный туалет с душем.

– Всё будет сделано, – бодро пообещал менеджер.

– А позвольте спросить, вы, случайно, не тещу отправляете? – пошутил Марио, но, увидев злой настрой ректора, тут же осёкся: – Извините.

– И вы мне сказали, что знаете команду с этого судна. Как я могу с ними встретиться?

– Это можно, последний из этой команды ещё пока не уволен, как остальные, за пьянство.

– Да уж! – огорчённо промолвил ректор.

– Зато возьмут недорого. Вы же этого хотели?

– Так, состав экспедиции – это полный минус, корабль тоже, и команда такая же убитая, как корабль. Жаль, аж три минуса, а не два. Минус на минус даёт плюс, а тут ещё один минус получается – полный провал.

«Ну, хоть минимизирую убытки от такого путешествия для университета», – подумал ректор, наблюдая, как за ним с коварной улыбкой следит менеджер в предвкушении своих комиссионных.

– Хорошо, сколько всего этих пьяниц должно быть в штате судна по минимуму?

– Всего шесть, но вместе с коком.

– Нет уж, это чересчур, давайте без кока. У меня свой кок (слово «кок» на английском – это не только повар, но и петух и член) есть. Итак, пять разгильдяев – многовато. Прошу вас мне их собрать для переговоров. Ладно, звоните им – пусть приходят завтра эти ваши коки.

– Хорошо, сэр, к одиннадцати утра вас устроит? Ибо после есть риск, что кто-то из них не дойдёт, – посоветовал менеджер.

– Устроит, – резко ответил ректор.

На следующий день злой ректор постучал в офис морской компании, который находился там же, в порту, однако из-за шума внутри дверь никто не открыл, и ему пришлось войти без разрешения. То, что он увидел, чуть не добило его полностью. Два пьяных старика и какой-то худющий полудурок лет сорока – сорока пяти, явный неудачник по жизни, вместе с молчаливым своим другом (а молчаливым, потому что рот не мог уже открыть) сидели напротив Марио и уговаривали его выпить с ними за предоставленную возможность ещё раз выйти в море в качестве команды. Едва сдерживая эмоции, ректор, как воспитанный человек, сделал глубокий вдох и выдох. Но этого оказалось мало, и он повторил эту процедуру ещё раз. Тут его заметил Марио и сразу же вскочил в приветствии.

– Уважаемые господа, позвольте представить вам ректора нашего университета мистера... мистера...

– Роджера... – подсказал сквозь зубы ректор. – Слушайте, вы, драные пираты Гудзона, и вы, Супермарио, если вы не доставите экспедицию до Амазонки и сами утонете, то я ваши

трупы пушу на опыты в моём университете, а вас, Марио, лично утоплю в том ведре, что стоит на судне для нужды, и вас там не найдут и водолазы, – дав волю эмоциям, прошипел ректор.

Эти слова, особенно касавшиеся трупов и опытов на медицинской кафедре университета, произвели сильный эффект на пьяную команду, и весь алкоголь временно спрятался у всех в печени.

– Хорошо, – тихо и хрипло произнёс седой старик с усами, что выдавало его как капитана. – Но с вас, мистер Роджер, по пять тысяч долларов каждому! – уже без хрипоты и более уверенно произнёс усач.

– Получите по возвращении, если на судно не возьмёте ни капли спиртного! – отрезал ректор. Тут даже тот из команды, который рот не мог открыть, открыл его, как на приёме у стоматолога.

– Ну ладно, выходили мы и не из таких ситуаций, – с сожалением ответил усач. Но что он хотел этим сказать, точно никто и не понял.

– А где ваш пятый член экипажа? – поинтересовался дотошный ректор.

– А он не пьёт и поэтому сейчас в доке красит судно, – ответил Супермарио.

– Да, и не дай бог вы зайдёте по пути в какую-нибудь дырку в Доминикане или Гаити за ромом – денег не увидите. В контракте я вам это тоже укажу, – пригрозил ректор и, хлопнув сильно дверями, вышел из офиса.

Господи, так хорошо начиналось! И на тебе, вот такое продолжение. И это ещё не конец. И отказываться поздно, ибо несколько тонн товара не только научного, но и в основном бытового характера были уже закуплены, включая трусы и бюстгалтеры для индианок, чтобы одна половина индианок не вызывала излишней эрекции у мужчин, а вторая половина чтобы никого не пугала своими двумя отвисшими медалями. Не говоря о телевизоре, солнечных батареях в комплекте, электростанции на дизель-генераторе, инструментах и даже мопед с большим запасом горючего, и много-много ещё чего было закуплено. А также два автомата Калашникова с прочным запасом патронов.

«Спасибо за всё Мигелю, вспомнившему свою юность в колумбийских джунглях. Ну, хоть в этом наблюдался порядок и организованность», – размышлял обо всём ректор, сидя в одиночестве в своём кабинете.

На проводах экспедиции в порту народу было немного. Только родственники и друзья отправляющихся в экспедицию, члены команды, ректор и Марио, которому нужно было присутствовать там по должности. Ректору накануне удалось правильно объяснить членам экспедиции выбор такого корабля, скрыв истинные мотивы. Мол, экстремальная экспедиция должна быть экстремальной во всём. К счастью, все члены команды были трезвые и вежливо всех приветствовали. И эта добрая атмосфера проводов немного стала успокаивать ректора. У него даже пробежала мысль: «Ну, мизерный шанс у них всё равно есть! По крайней мере, всё было демократично при выборе кандидатов».

После он подошёл к Мигелю и неожиданно спросил, отчасти из экономии средств:

– Мигель, а зачем ты решил купить для экспедиции этот новый дурацкий мопед?!

– Видите ли, нам непременно нужно будет возвращаться до ближайшего городка на Амазонке несколько раз за всем необходимым в быту, а местные все смотрят на гринго как на кошелёк с ногами, и поэтому за поездку по городу за необходимой мелочью они нам выставят счёт как за половину этого мопеда. Я сам помню своё детство, как мы туристам давали напрокат подобные вещи в Колумбии. И мопед не дурацкий – это итальянская классика, самая что ни на есть долговечная и надёжная! Это знаменитая «Веспа», – ответил Мигель.

После такой аргументации у ректора сразу отпало желание сэкономить ещё и на мопед.

– Ладно, чёрт с ним, пусть будет, – ответил ректор.

После загрузки нескольких тонн провианта, оборудования, бытовых вещей и двух больших резиновых плоскодонных итальянских лодок фирмы LOMAC на случай невозможности

судоходства по Амазонке корабль слегка погрузился в воду до линии, которая уже не давала возможности рассмотреть прилипшие к судну мидии и водоросли. Но стойкий запах тухлятины всё равно напоминал о перевозимых ранее грузах. Видя, что всё подходит к логическому концу, то есть к отдаче швартовых, Марио с чувством даже не выполненного долга, а скорее с чувством наконец-то заработанных денег пошёл прочь. А ректор дождался, когда уберут трап, подошёл к своей машине и, стараясь успокоить себя, трижды повторил одну и ту же фразу:

– Шанс у них есть!

Выйдя спокойно из порта на судне, капитан всё-таки вспомнил, что на панели приборов лежит его старая фляжка и там должно было быть несколько глотков коньяка. Тотчас же достав её, он открыл и жадно проглотил остатки коньяка.

– Ну, с богом теперь, – сказал он, выдохнув.

Пассажиры устроились по своим каютам, и Мигелю, как истинному джентльмену, досталась наиболее вонючая, хотя вонь была и сносная. Прошло несколько часов после отплытия, и члены экспедиции любовались на палубе погодой последнего дня лета, всё вроде бы встало на свои места и пошло по плану.

– Капитан, а позвольте спросить, а когда мы будем проплывать мимо каких-нибудь островов? – спросила госпожа Сара Либерман.

– Думаю, через неделю мы подойдём вплотную к Доминикане или Пуэрто-Рико, однако ваш шеф запретил и думать нам о заходе в порт для пополнения запасов, как говорится. Но ничего, зато у нас есть сахар и дрожжи, а остальное мы смастерим, – ответил находчивый капитан. До конца не поняв капитана, госпожа Либерман пошла загорать на палубу.

– Мигель, любезный, может, вы мне скажете, что подразумевал капитан, говоря, что у нас много сахара и дрожжей? – уже на палубе спросила Сара.

– Ничего, мэм, это капитан просто нам обещает сладкое путешествие. А по-научному это называется, кажется, дистилляцией, – недовольно ответил Мигель. – Пойду посмотрю, что там уже мастерит эта гоп-команда, – сказал Мигель, удаляясь с палубы.

Так относительно спокойно прошли три дня, и уже по расчётам судно шло на параллели Майами. Пассажиры были вполне довольны своим круизом, только Мигелю приходилось выполнять роль кока для своих подопечных, а вот команда судна как-то обособленно и холодно ела отдельно, и их рацион тяжело было назвать вообще кухней. И вот за общим столом вечером между членами экспедиции по этому поводу зашёл разговор.

– Мистер Грег, скажите, пожалуйста, а что это наша команда корабля после первого дня стала совсем прохладной к нам и даже перестала здороваться? Что это с ними произошло? Их как будто подменили, – спросил Майк у своего старшего коллеги.

– Видите ли, Майк, я так подозреваю, что наш Мигель прервал им процесс дистилляции, вероятно, до конца нашего маршрута. Поэтому они и ведут себя так, кроме одного парня, который совсем не пьёт, – с юмором ответил пожилой мулат.

– Простите, что за дистилляция? Они что, научные опыты ставят? – заулыбался Майкл.

– Голубчик, даже я поняла, о чём речь идёт! Самогон они хотели сделать, а наш Мигель пообещал им трубки вставить в иные места. Вот поэтому они и страдают и злятся на нас всех, – улыбаясь, ответила Сара.

– Да уж, хорошо, что сухой закон на корабле не распространяется на нас. Мигель, вы не против, а то я переживаю по поводу уже пустой бутылки вина – куда вы её денете? – ответил Майкл, разливая из бутылки остатки красного сухого вина с намёком на засовывание в другие места. Но Мигель лишь улыбнулся в ответ.

– Сегодня ночью передавали ухудшение погоды до шторма, даже с риском возникновения торнадо. Так что вам, господа, надо быть готовыми к качке и её воздействию на организм, – как можно деликатней сухо обрисовал вероятную проблему Мигель.

– Да бросьте вы пугать, тут каждый год такое в это время происходит, даже название этой пугалке придумали – Бермудский треугольник, а по статистике здесь происходят кораблекрушения не больше, чем в других морских акваториях. Уж сколько об этом писано и переписано, многие на этом страхе очень много денег заработали, продавая свою литературную чушь. Главное, что у нас команда трезвая, и вы, Мигель, рядом, нам нечего бояться, – улыбаясь, но твёрдо сказал мистер Грег, похлопывая Мигеля по плечу.

– Это точно, и в последней фразе я поддерживаю мистера Грегга и предлагаю выпить нам всем за нашего Мигеля, – сказала Сара, слегка уже выпившая и навеселе.

Они выпили вино и почувствовали каждый свою меру в этом вопросе. Алкоголь в приятной компании за столом придавал этому вечеру бесспорное чувство удовлетворения от общения, и поэтому компания продолжала болтать о всякой ерунде ещё целый час. Такого радужного общения без алкоголя не получилось бы никогда с учётом разных характеров сидящих за одним столом.

Почувствовав, что клонит в сон, госпожа Сара и Майкл откланялись и разошлись по своим каютам. А Мигель и доктор Грег ещё оставались за столом некоторое время.

– Знаете, Мигель, я немного изучал воздействие алкоголя на организм человека как биолог. И вот что я должен вам сказать. Есть как минимум пять видов воздействия алкоголя на мозг. Первый – это самый простой и приятный вид, это когда вы, как Сара или Майкл, просто хотите спать после приятного застолья, и в этом случае вечер для вас и для окружающих становится приятным времяпровождением. Второй вид – это когда человек, выпив, хочет веселиться и танцевать. Этот вид тоже можно отнести к приятному воздействию на человеческую психику. А вот третий и четвёртый виды – это плохо. И людям, имеющим такие виды воздействия алкоголя, категорически нельзя пить в этой жизни. Человек превращается либо в дурака, совершающего безумные поступки, либо в отрицательного супермена, ищущего маниакально подходящую рожу, чтобы её набить. Вот эти два вида и пополняют статистику уголовных преступлений. И пятый вид, мой дорогой Мигель, – это когда выпивший начинает приставать к своему собеседнику с назойливо дурацкими разговорами и вопросами типа «ты меня уважаешь?». Вы уж извините меня, Мигель, что я принадлежу к этому типу. Однако пора действительно спать, спасибо вам за ужин, Мигель, – произнёс Грег, вставая из-за стола.

Убрав посуду и приведя стол в порядок, Мигель поднялся на палубу, уловил хмурый взгляд худого вахтенного и уже даже в темноте заметил ухудшение погоды согласно прогнозу.

«Так, надо на всякий случай прикрепить на двери каждой каюты спасжилеты и положить спасательную надувную лодку к себе в каюту», – подумал Мигель и пошёл к палете с оборудованием для экспедиции, чтобы найти эти вещи.

Глава 2. Чудеса в океане

Прошла пара часов, и погода действительно начала портиться. В полной тьме не было видно океана, однако под светом прожектора были видны волны, которые с каждой минутой нарастали, превращаясь в полномасштабный шторм. Почувствовали качку и спавшие в каютах пассажиры, поочерёдно выходя сначала в туалет, а потом в душ. Последней в этой очереди была госпожа Сара, ибо, как доктор, она предусмотрительно взяла таблетки от укачивания. Сверху доносились авральные крики команды и капитана, однако у пассажиров было полное отрешение от происходящего, включая и стойкого Мигеля. И вдруг в какой-то момент корабль помимо качки затрясло, словно автомобиль проехал по асфальту в форме стиральной доски. Да так сильно, что послышались скрежет металла, вопли команды и сильный свист воздушного потока. Было ощущение, что в любую секунду корабль развалится, и это слегка привело в сознание всех четырёх пассажиров. Однако тряска продолжалась недолго, около минуты, правда, показалась для пассажиров целой вечностью, и они уже смогли прочитать про себя каждый свою молитву. Тряска быстро ушла, как и пришла. Но все сразу почувствовали неладное: больше не слышны были крики команды. Первым понял это Мигель и быстро побежал вверх в рулевую рубку. В рубке была открытая дверь, хлопающая из-за качки, разбитое лобовое стекло и штурвал, ходивший хаотично из стороны в сторону. Поняв, что команда исчезла в полном составе и теперь надежда только на себя, Мигель выровнял штурвал, поставив его перпендикулярно набегавшим волнам, и продолжил управление судном. Бегло осмотрев рубку, Мигель заметил, что панель навигатора была чем-то разбита, а компас крутился подобно волчку. Единственное решение – выровнять корабль и идти курсом против волн, а куда – это покажет день грядущий. Через несколько минут из коридора внизу на палубу повыходили в спасательных жилетах остальные члены экспедиции и направились к Мигелю в рубку.

– А где команда, Мигель, куда они пропали? – забеспокоился мистер Грег.

– Хороший вопрос, мистер Грег, но мне известно по этому поводу столько, сколько и вам. Вероятно, наше судно посетил торнадо и унёс всю команду, вы ведь чувствовали эту невероятную тряску. И прошу обратить внимание на палубу – на ней ничего нет. Ни швартовочных тросов, ни хлама, оставленного командой, ни ваших лежаков, ни стола – ничего, даже одной железной двери в трюм корабля уже нет, на которой находились резиновые итальянские лодки. Так что глядите не провалитесь в трюм случайно сейчас ночью. Вы слышали, господа? – закончил Мигель.

– И что нам делать теперь? – спросила удручённая Сара.

– Не знаю, думаю дожждаться рассвета, когда утихнет шторм, и подать команду SOS, правда, как это делается, я ещё не знаю.

– Это означает, что наша экспедиция закончена, не начавшись. Это означает, что вместо приятной научной работы, которую я долго планировал и к которой готовился, будут хождения в полицию и даже по судам. Команды нет, страховки нет, флага на судне нет! Да нас могут посадить до второго прихода Иисуса! Ой, какой ужас! – крайне нервозно, с полным чувством неудачно прожитой жизни высказался Грег.

– Да не стоит так, мистер Грег. По крайней мере, все поймут, что в исчезновении команды мы не виноваты и у нас не было никакого злого умысла, а фрахт этой посуды лежит на совести нашего ректора и того противного и хитрого Марио. Может быть, по возвращении нам университет иной корабль предоставит, и через несколько месяцев можно повторить попытку снова, – произнёс оптимистично Майкл.

– Вы, Майкл, из первой попытки-то выйдите целым и невредимым, а уж потом будете о чём-то мечтать! – горько заметил Грег.

– Я думаю, это одно из воздействий алкоголя на человека, о котором вы мне говорили за ужином, мистер Грег. Видите, команда перестала пить, и их торнадо унёс, а были бы они пьяные, так валялись бы где-нибудь по углам сейчас, ничего не помня, – пошутил Мигель.

– Мигель, хватит вам шутить! – раздражённо воскликнул Грег.

– Уважаемые господа, сейчас на часах я вижу три часа сорок минут, прошу вас до утра разойтись по каютам, а часам к семи утра, надеюсь, меня Майкл подменит у штурвала. Сейчас мы точно не решим ничего, – успокоил всех Мигель.

После его слов все, вздыхая, пошли вниз по каютам, хотя спать уже никому не хотелось.

Стрелки часов показывали 6 часов 50 минут, но все члены экспедиции уже вышли на палубу после утреннего туалета. И не увидели никаких признаков ночного шторма, кроме нескольких рыбёшек, закинутых торнадо с моря на палубу.

– Ну что, Мигель, я готов вас сменить, но я никогда не управлял судном, – сказал Майкл. Ответ Мигеля был крайне короток:

– Я тоже.

После чего Майкл понял, что наивно задавать иные вопросы по управлению судна Мигелю. Но он заметил одну приятную вещь – компас начал показывать наконец-то направление, – и радостно объявил всем об этом.

– Судно идёт на восток, компас работает! – воскликнул он.

– Да это и так видно. Посмотрите на солнце, мы как раз идём ему навстречу, – посетовал Мигель.

После чего новая команда корабля ещё полчаса находилась на палубе, всматриваясь вдаль, а Мигель решил вздремнуть прямо в рулевой рубке, рядом с Майклом, держащим штурвал.

Но не прошло и пяти минут, как неожиданный и звонкий крик Майкла испугал всех.

– Я вижу землю! Земля, земля, земля! – радостно орал геолог, а по совместимости и вахтенный.

И все начали всматриваться вдаль, вместе с уставшим и разбуженным Мигелем. Но солнце, как назло, слепило.

– Очень странно, но на востоке должен быть только океан, и никаких островов и земли не может быть. Мы же за ночь не смогли переплыть Атлантику, господа, – размышлял вслух Грег.

Всех томило радостное предвкушение сближения с берегом и дальнейшей высадки.

Но, подойдя к берегу поближе, они увидели издали деревянный причал с парой десятков парусных мелких лодок и отсутствие какой-либо рекламы и вывесок на фасаде зданий, а также ни автомобилей, ни современных яхт или моторных лодок, что их слегка обескуражило. Это был маленький городок, за ним виднелись небольшие горы. Через несколько минут уже стали видны люди, постепенно заполнявшие небольшую набережную. Они были в необычных одеяниях, больше похожих на маскарадные, а не нормальные цивильные. Озабоченным видом эти люди на берегу как бы говорили: НЕ ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ.

Вид такого железно-ржавого монстра – судна путешественников – крайне насторожил людей на причале, привёл их в смятение. Наблюдая эту картину с судна, наши путешественники, еле пережившие ночной шторм и торнадо, не могли промолвить ни слова, а лишь всё больше открывали рты в изумлении. Даже Мигель не понимал ничего: ему такое не приходилось видеть даже в юности, под кайфом наркотика. С обеих сторон стоявшие люди, как на берегу, так и на палубе, чувствовали себя полными идиотами, и с каждой секундой приближения судна к берегу это чувство только укреплялось.

– Добро пожаловать в отель «Калифорния», – тихо и робко произнёс Грег. (Нашему читателю необходимо знать перевод текста старого хита Eagles, чтобы понять слова Грега.)

– Это всё ваше воздействие алкоголя на организм, – робко предположил Мигель.

– Может, не стоит причаливать, Мигель? – спросил напуганный Майкл.

– И что потом, будем так стоять и смотреть друг на друга днями?

Тут решила представить свою версию госпожа Сара, не желавшая мириться с увиденным.

– А может, это всё массовка исторического фильма? Какой-нибудь новый «Индиана Джонс».

– А мы тогда кто? Режиссёры и операторы? – сыронизировал Майкл.

– Ага, а вон тот, с бородой, по всей видимости, их главарь, чем-то похож на Харрисона Форда, – продолжая иронию Майкла, сказал Грег.

– Ну что, будем причаливать, господа? – спросил Мигель. И все, понимая этот бардак у каждого в голове, дружно ответили:

– Да!

Любопытство перебороло страх.

Такое же чувство практически одновременно испытали те, кто был на берегу, и начали с набережной переходить на причал для, так сказать, исторической встречи.

И вот, подойдя к причалу вплотную, обе стороны сблизились на расстояние около пяти метров. От количества зевак уже временами трещали доски причала, но на это внимания никто не обращал. Мигель рассудительно не стал глушить двигатель и оставил его на холостом ходу. Смотря друг другу в глаза, обе стороны стояли молча. И кто-то должен был нарушить эту тишину. Тут Мигель, чем то шуточно уколол Майкла пониже спины, попросил его:

– А ну, скажи им что-нибудь.

Майкл от неожиданности громко произнёс:

– Добрый день, господа актёры!

На эти слова вторая сторона отреагировала осторожно, в этой толпе можно было различить итальянскую речь: «инглэзи, инглэзи, соно инглэзи». И уже с задержкой секунд в десять тот, что с бородой и похож на Харрисона Форда, воскликнул:

– Бенвенути а Кьявари!

И именно после этих слов толпа на причале начала радостно отвечать приветствиями, видя плавучего железного монстра и четырёх непонятно как одетых англичан. Затем старший бородач что-то шепнул стоящему рядом молодому слуге, и тот быстро помчался куда-то в город.

– Господа, это что – съёмки, вы не актёры, а кто вы? – недоумевал Майкл.

Но в ответ лишь слышались приветствия на итальянском языке, которым из наших путешественников никто не владел. Только Мигель со своим испанским мог что-то отдельно понять. Видя всё происходящее и понемногу входя в ту немыслимую реальность, Мигель спустился за двумя автоматами Калашникова, приготовленными для охоты в джунглях, и затем один отдал Майклу. Видя такое, Грег перекрестился и подумал вслух:

– Надеюсь, не придётся.

Потом Мигель неожиданно сказал:

– Вы идите, господа, а я останусь здесь: судно нельзя всем покидать – это опасно.

И вот уже три представителя американского университета идут по улочкам маленького городка, где, судя по валяющимся везде брёвнам или уже каким-то заготовкам из дерева, было понятно, что городок жил именно за счёт этой коммерции. Они, сопровождаемые главным бородачом и толпой зевак, подошли к местному богатому дому. Зайдя в него, все трое начали пристально искать признаки цивилизации XXI века, а не восхищаться богатыми внутренними интерьерами Средневековья. Но ни лампочки, ни выключателя, ни какого-то провода или кондиционера глаза их не находили. Да и от толпы сопровождения дурно пахло, и не только от тел, но изо ртов тоже, что, как сразу профессионально подметила Сара, было естественно. Явно это не были актёры. Во всей этой совокупности запаха, внешнего вида местного населения и тщетного поиска признаков какой-нибудь лампочки и выключателя проглядывала полная

безнадёга, что это уже давно не сон, а средневековая Италия, историю которой никто не изучал ранее. Эйфория полного хаоса и сумбура танцевала в их душах вовсю. И с каждой минутой лампочка надежды, что это чья-то шутка и что это происходит не с ними, угасала в их головах. Пройдясь по комнатам бородача, они затем зашли в столовую, где суетились слуги, подготавливая стол к трапезе.

– Ну что, вы, господа, не нашли никакой лампочки или электроприбора? – поинтересовалась Сара, преодолевая робость.

– Да ни черта! Знаете, ни в чём я не вижу признаков нашего времени, даже запах от всех прёт слишком натуральный, не говоря уже о присутствии хоть какого-то вещественного намёка на наше время! А как вы, Майкл, что-нибудь наше заметили? – раздражённо спросил Грег, имея в виду предметы быта, присущие XXI веку.

– Ну, только что наш бородач на Форда похож, и всё, – откликнулся Майкл.

– Так, что вы предлагаете? Подёргать за его бороду в надежде, что отклеится? – сострил Грег.

– Нет, что вы, хотя такую возможность я могу уступить вам, Грег, когда подальше буду от вас двоих.

– Ладно, давайте посмотрим, что дальше будет и как мы будем с ним изъясняться. Или с ними? – промолвил Грег, не имея никаких планов в голове.

Тем временем бородач с каким-то молодым послушником подошёл к ним и сказал экспедиции по-итальянски что-то очень выразительно, из чего учёные только поняли, как этого бородача зовут, и ничего более. И тут этот послушник начал переводить всё на английский, что вызвало некоторое облегчение у группы.

– Меня зовут Федерико Мессути, я являюсь консулом или, как ныне говорят, подестом в нашем маленьком городке Кьявари. Наш город занимается заготовкой древесины в Лигурии для всех государств нашего полуострова, а также производством мебели, в частности стульев. Наши стулья есть даже в Ватикане у Папы. Мне пятьдесят пять лет, и я хозяин этого дома, – приветствовал путешественников бородач. И вот тут до учёных дошло, что нужно кому-то из них говорить этому консулу в ответ.

– Говори ты, а мы поддержим, – сказала Сара, обращаясь к Грегу, и увидела кивок Майкла в поддержку. На что Грег попробовал возразить шёпотом, чтобы не слышал переводчик:

– Да вы что! Кто я для них – мулат непонятный. Про Америку они только от Колумба вчера слышали, а это значит, что нам надо под англичан подстраиваться, а в Англии такие как я, в то время могли быть только рабами или слугами! Пусть вон Майкл скажет, что он коммерсант, а я его слуга, а вы, Сара, его мать.

И Сара, и Майкл согласились с аргументами Грегa, кивнули друг другу, а затем кивнули приветственно консулу городка, изобразив при этом резиновые улыбки.

– Меня зовут Майкл Фьюри. Я являюсь коммерсантом по продаже необычных новых товаров, которые покупаю и собираю со всего света. Этот мулат Грег – мой слуга и помощник, а это моя мама, Сара, – учтиво и дружески начал фантазировать в ответ Майкл.

– Скажите, господин Майкл, у вас такая странная одежда, и ваш железный корабль почему не тонет, а только сильно рычит и не имеет парусов? – с любопытством и с проницательностью следователя поинтересовался консул.

– Видите ли, в том направлении, где ваш Колумб открыл Америку, есть совсем иная высокоцивилизованная страна, которую ещё никто не знает, и те, кто её открывает, решают, как правило, остаться там навсегда. Это там делают такие корабли. А не тонут они по простой причине – как и вся глубокая посуда на вашем столе, когда вы её опускаете в воду. Ни глиняные кувшины, ни глубокие тарелки в воде не тонут, если вы их специально не перевернёте, так и наш корабль. А рычит корабль так, потому что внутри есть металлический сундук, в котором

работает сложный механизм, похожий на часовой. И мы заливаем туда жидкость, и он начинает вращать винт, благодаря которому и движется наш корабль, и поэтому нам паруса не нужны. Да вы сами сможете увидеть этот сундук. А винт подобен тому, который изобрёл ваш Архимед, – вытирая пот со лба от такой фантазии и напряжения, объяснил Майкл, а его мама и слуга дружно кивнули.

– Ну что ж, угощайтесь, гости дорогие, я думаю, вы нам покажете ещё много интересного, чего мы не знаем, и что у вас есть из товара заморского. – уже более раскованно и дружелюбно ответил консул, приглашая гостей к столу.

После чего гости принялись за трапезу, правда, вот уже вина не хотел никто, боясь очутиться ещё дальше в пространственно-временном континууме.

– А что это у вас за интересный железный предмет в виде палки с большим суком, Майкл? – поинтересовался хозяин, указывая пальцем на автомат.

– Ну, это, это, м-м-м... почётный орден именно той страны, где и делают такие корабли. При высоких встречах и на приёмы мы обязаны брать его с собой, – еле отбрехался Майкл.

Гости только после этой фразы решили поесть по-настоящему, оказывая тем самым уважение хозяину. Теперь они более спокойно рассматривали столовую с её классическим ренессансным видом. И только в этот миг заметили пять картин, висевших на стенах столовой. Они поразили их знакомым стилем живописи. Заметив, что гости, раскрыв рты, смотрят на картины, консул пояснил:

– Так это тут есть один такой, Караваджо, он у меня гостил несколько дней, и поскольку он большой гуляка и драчун, то попал в очень неприглядную историю, из которой мне его пришлось вытаскивать за деньги. Вот этот пьяница-драчун и отблагодарил меня картинами. Он сейчас в Ватикан поехал, у него там заказы появились. Ведь у нас появился новый Папа – Пий V. Вот и надо его написать.

После таких слов у всех трёх гостей перебило дыхание, и они уже поняли, что сидят в столовой с интерьером на миллиард долларов! С чисто американской алчной предприимчивостью подумал каждый из них.

– Сеньор подест, а не мог бы Караваджо и нам нарисовать по картине?! – с глазами человека, выигравшего самый крупный джекпот в Америке, спросил Майкл.

– Так почему бы и нет. Конечно, но только надо дождаться очередной оказии, когда он будет ехать из Рима. Я вам обещаю, – ответил, улыбаясь, подест. От этих слов зрачки глаз у гостей приняли форму в виде эмблемы доллара.

– Интересно-интересно, если у него в столовой интерьер на миллиард долларов, то сколько тогда стоит весь его дом? – сказал ошарашенный Грег тихо, только для своих коллег.

Далее разговор за столом уже пошёл про Ватикан, про упокоившегося недавно папу Юлия III и иных великих художников того периода. От консула гости узнали даже сплетни, которые гуляли о папе Юлии. Якобы он по очень пикантным причинам, одному из фаворитов и родственнику одновременно, Инноченцо дель Монте, жаловал аббатство в Нормандии и сделал его кардиналом. (исторический достоверный факт а не выдумка автора см. Википедию потому что писать всё как есть нельзя из за дебильных российских законов). И тут Майкл заметил некое стеснение в глазах послушника-переводчика, когда тот рассказывал о папских наклонностях. И Майкл решил с ним поговорить позже с глазу на глаз. Сара, насмотревшись картин, начала считать недостающие зубы у всех сидящих за столом итальянцев. А вот Грег стал наслаждаться чистыми фруктами и овощами, понимая, что пусть они и грязные снаружи, но зато чистые внутри, без всякой химии, которую он и выдумывал на своей кафедре по заказу крупных сельхозпроизводителей. Также они узнали, что сейчас идёт 1566 год от Рождества Христова, что продолжает свирепствовать инквизиция и что никто не застрахован от её лап, что по Европе ходят чума и холера. И так много другого интересного, что для защиты диссертации по истории им бы хватило.

А оставшийся на корабле Мигель тоже не скучал, хотя ему было проще. На все вопросы итальянцев он не мог и не хотел отвечать, а чтобы не разочаровывать всех, он решил спуститься в трюм и, набрав там полсотни авторучек и с десятков тетрадей, начал раздавать их всем детям и девушкам, включая и милых дам. И тут вдруг неожиданно в толпе Мигель заметил единственную молодую и красивую блондинку, облик которой не вписывался в поголовно общий типаж стоявших на пристани девиц и дам. Он даже подумал, что она, наверное, не итальянка. И тут же протянул ей авторучку и тетрадь.

– Как тебя зовут, красавица? Ты не итальянка? – спросил по-испански Мигель. Она улыбнулась и, поняв очень близкий испанский язык, ответила Мигелю:

– Я Клелия, Клелия Петрончини. Я из Фаенцы, это Эмилия-Романья. Я приехала сюда к родственникам. Я итальянка.

– А я Мигель из Америки, – в небывалую робость впал Мигель. И, чуть собравшись, продолжил, помогая жестами и говоря по-испански: – Я приглашаю тебя на наше судно, красавица.

– О, нет, нет, я не могу, мне страшно, я боюсь вашего железного чудовища.

– Хорошо, только не уходи, я хочу тебя увидеть здесь завтра утром, – попросил Мигель, не обращая никакого внимания на окружающих, тоже ожидавших его внимания.

Сказав это, он взял её за руку и написал ручкой на её ладони слово AMOR. Девушка смутилась и, вырвав руку, убежала прочь, а Мигель остолбенел на несколько секунд, а потом продолжил раздавать авторучки всем зевакам.

Проведя более двух часов у консула дома, гости, выходя из дома, решили поблагодарить хозяина. В этот момент Майкл подошёл к послушнику и прошептал ему:

– Где ты живёшь и как тебя найти? Ибо переводчик здесь нам нужен будет постоянно. Надеюсь, к вечеру ты придёшь на причал, к нашему кораблю. И, наконец, как тебя зовут?

– Меня здесь зовут Давиде, Давиде Минарди. Я живу в доме священника и помогаю ему в церкви. Но я родом из Британии. Я вынужден был бежать оттуда пять лет назад, потому что мою мать обвинили в колдовстве, и инквизиция её не пощадила. Здесь тоже есть инквизиция, но здесь меня никто не знал, и поэтому меня принял к себе священник. Он хороший, добрый, но, как все церковные служители, должен служить инквизиции. Хорошо, я постараюсь прийти на причал вечером, если меня отпустит святой отец. Наконец-то я могу поговорить по-английски, хотя ваш английский совсем не такой, как у меня на родине, – ответил Давиде и, поклонившись, пошёл в направлении церкви.

И вот наша компания после такого приёма решила пройтись улочками города, которых было не больше десяти. Однако за ними по пятам следовали по меньшей мере два десятка зевак, показывающих на них пальцем и обсуждавших их. Но учёные уже не так обращали внимание на них, как в начале этого сумасшедшего дня. Прогулявшись по городку в течение часа и увидев быт и уклад средневекового городка, местами с антисанитарией, они решили возвратиться на корабль. Придя уставшими на корабль и увидев Мигеля, экспедиция в полном составе решила отдохнуть после пережитого ими стресса. Всем уже безумно хотелось спать.

Глава 3. Ренессанс головного мозга

Проспав почти до вечера, команда собралась на ужин, который готовили все вместе. И вот за столом они решили спокойно обсудить ту катастрофу, что с ними произошла.

Первой начала говорить Сара:

– А вы знаете, что я думаю, господа? Я думаю, что надо делать то, за чем мы собирались в Амазонку. Может, это и философский ответ, но иного решения у нас сегодня нет. И как нам возвратиться домой, мы пока не знаем, но чтобы не сойти с ума, мы обязаны представить, что находимся в экспедиции, и выполнять по мере возможности всё, что мы запланировали. А в ходе работы, может, и появится какая-нибудь идея по поводу нашего возвращения домой.

– Да, вы совершенно правы, если мы будем днями только думать о том, как нам возвратиться в наше время, то постепенно сойдём с ума, – поддержал Сару Майкл.

– Но вам проще, у вас как у врача пациентов будет так много, что до конца жизни хватит, и вы будете чувствовать себя востребованной. А вот мы с Майклом чем займёмся? Теплицы для них будем строить или выводить новые сорта кукурузы на склонах этих гор? Мигелю вон тоже найдётся работа, он на все руки мастер, – грустно отозвался Грег.

– Вы знаете, теперь это, конечно, не имеет никакого значения, и поэтому я должен вам признаться. Наш ректор после голосования в университете понял, что экспедиция может быть провальной из-за очень большой разницы и в возрасте, и в интересах, и в характерах, которые мы имеем. И это неизбежно нас приведёт к психологической несовместимости и скажется на результатах экспедиции. Он уже тогда мне сказал об ожидаемом провале и поэтому в последний момент решил сократить расходы, предоставив нам эту посудину вместо нормального судна. А также нашёл разорившуюся фирму с итальянскими корнями, которая делала тотальную распродажу итальянских товаров в Нью-Йорке. Поэтому у нас практически всё имущество для экспедиции итальянского производства. И по его плану мы должны были улететь самолётом обратно, взяв только результаты научной деятельности, а всё остальное распродать и подарить индейцам. Судно должно было дойти до верховья Амазонки и остаться там на века. Теперь вы понимаете, что нам надо терпеть друг друга и быть единым целым, если хотим выжить. Я думаю, мистер Грег, и ты, Майкл, найдёте здесь себе применение, и неважно, в какой области. Главное, что мы все нужны друг другу, – закончил Мигель.

Вздохнув, мистер Грег сказал:

– Вы абсолютно правы, Мигель, другого выхода у нас нет. Мы должны быть дружной семьёй, несмотря на все наши индивидуальные причуды.

После этого они все встали по кругу, взялись за руки и прочитали молитву.

– Итак, господа, сегодня вечером ко мне может прийти одна прекрасная девушка, – уже с оптимизмом объявил Мигель.

– И ко мне тоже должен прийти парень, – гордо ответил Майкл.

– Ах вот как! Значит, мы Грегом, как старики, должны оставаться на корабле?! – улыбаясь, ответила Сара.

– Корабль бросать нельзя. Сейчас ваша очередь его сторожить, – сказал Мигель.

– Хорошо, Мигель, у меня есть работа на корабле, по крайней мере, я разверну свой стоматологический кабинет, а Грег мне поможет в этом, – махнув рукой, отозвалась Сара.

Мигель и Майкл, помахав в ответ, сошли с судна и пошли по причалу к набережной. Там их пути разошлись. Более удачливым оказался Мигель: по набережной к ним шла Клелия. И Мигель, попрощавшись с Майклом, пошёл ей навстречу. А вот Майкл, не дождавшись Давиде в условленном месте, отправился к нему в церковь. Но, зайдя в неё, он никого не увидел, что показалось ему странным. Тогда Майкл решил подойти к дому священника в надежде

кого-нибудь увидеть там. Подойдя поближе к дому, он увидел Давиде, который складывал хворост. Но как только тот заметил Майкла, он сразу с опаской сказал:

– Не приходи сюда, святой отец запретил мне с тобой встречаться, и с вашей командой тоже. Он считает, что вы антихристы и колдуны. Он уже это объявил всем прихожанам сейчас на вечерней мессе. И теперь вас с завтрашнего дня народ будет сторониться и бояться. Мало того, он обязан доложить об этом епископу, а тот, я уверен, незамедлительно скажет Папе. И если вы не уплывёте, то через пару недель вас арестуют папские вассалы. А если святой отец не доложит о вас, то его самого лишат сана священника, и это самое малое. И ещё он сказал, что вы, как приспешники дьявола, имеете на затылке под волосами три шестёрки, и вы не едите чеснок, и вас нельзя пускать в церковь, вы её оскверните. И ещё хочу сказать, поскольку недавно покойного папу Юлия III уличили в любовном грехе и в том, что он во время своего папства присвоил титул кардинала своему племяннику именно из-за близости с ним и подарил во Франции ему аббатство, то сейчас избранный папа Пий V, помня об этом скандале, крайне сурово относится ко всему подобному. И инквизиция сейчас более суровая, чем ранее.

– Это классный поворот событий. Давиде, нет у нас никаких шестёрок на затылках, и чеснок мы едим, как все. А вот то, что мы так одеты и у нас такой корабль, – это трудно вам объяснить. Однако твой священник говорит глупости и полный бред. Хотя, конечно, этого стоило ожидать, это не вписывается в ваши представления о мире и не поддаётся объяснению, вызывает мгновенную боязнь, и в первую очередь у церкви. Но ничего, Давиде, мы никуда не уйдём и папским вассалам дадим ответ такой, что они больше не захотят сюда соваться, – озабоченно произнёс Майкл, сам не зная, как и что будет делать.

– Однако это невозможно, сеньор Майкл, ибо справиться с тысячным папским войском вчетвером под силу или Богу, или дьяволу, и даже если это у вас получится, то народ этого не поймёт, и кто и как будет себя вести в этом случае – непредсказуемо.

– Ну, доверие народа мы попробуем завоевать не с помощью насилия, а с помощью доброты и хороших дел. Мы вам можем помочь во многих делах. Моя мама – она доктор и может вылечить многим зубы и сделать операции, что спасёт людей от многих болезней и болей. У нас есть небольшой железный конь, даже не конь, а скорее ослик, который очень быстро бежит. Но это нужно показывать, сейчас всё равно ничего не поймёшь. Ладно, спасибо, что предупредил. Ты мне очень нравишься, Давиде, – осторожно дотрагиваясь до щеки Давиде рукой, сказал Майкл.

– Наши отношения – это грех, и именно поэтому я бежал из Британии, потому что об этом узнали и инквизиция пришла за мной, но я сбежал в последний момент, и вот я здесь, где об этом никто не знает.

– Да, я понимаю тебя хорошо, и даже через пятьсот лет в мире мало что изменится по отношению к таким, как мы с тобой, но всё равно будет лучше, чем сейчас. Спасибо тебе, Давиде, – сказал Майкл и протянул ему шариковую ручку и тетрадь из тех, что накануне раздавал Мигель.

Стало темно, и пора было идти назад, на судно. Майкл робко обнял Давиде и, повернувшись, пошёл к судну. Между тем у Мигеля вечер складывался куда более удачно. Оба пришли на судно в противоположных чувствах и настроениях. К этому времени мисс Сара и мистер Грег развернули в каюте капитана стоматологический кабинет со всем оборудованием, а в каюте команды смогли навести порядок. Однако проблема с нехваткой электричества их остановила. И Мигелю предстояло завтра решить эту проблему с помощью солнечных батарей, приготовленных к такому случаю. Собравшись вместе, они услышали от Майкла неутешительные новости, которые каждый из них предполагал, но не решался говорить об этом вслух.

– Перед нами стоят две задачи. Одна – обезопасить себя от этой дурацкой инквизиции, а с другой стороны – добиться расположения местного населения. Вот блин, не прошло и двух

дней, а уже инквизиция тут как тут. Как у нас налоги и счета: не успел заработать, а уже оплаты, – посетовал мистер Грег.

– Да, вы правы, мистер Грег, я завтра помимо солнечных батарей поставлю датчики движения по периметру судна и один на причал, чтобы не было неожиданных гостей. Советую всем при себе иметь пару ножей для безопасности. Ибо даже до прихода инквизиции какой-нибудь псих-посетитель способен будет неожиданно нанести нам урон. На этом всё, всем спокойной ночи, – сделал вывод Мигель.

Следующим утром, выйдя на палубу, Сара и Мигель заметили на причале злобно настроенных людей, что-то обсуждавших между собой. Мигель хотел было, как вчера, подарить им авторучки и тетради, но никто из них не реагировал на такие дары. Тогда на палубу вышел Майкл и, поняв сразу намерения небольшой толпы, показал всем чеснок и съел его вприкуску с хлебом, что несколько привело в замешательство толпу, да и Сару с Мигелем. Затем он подошёл вплотную к толпе и показал свой затылок, попросив одного из озлобленных посмотреть затылок на предмет наличия трёх шестёрок. Когда толпа осмотрела затылок Майкла и ничего не нашла, её пыл значительно остыл, перейдя в полное сомнение. Майкл попросил Мигеля показать им затылок. После чего толпа начала редеть, и через полчаса от неё не осталось и следа.

– Фу! На сей раз пронесло, хорошо, что меня Давиде предупредил, а так бы могло дойти и до оружия, – облегчённо вздохнул Майкл.

– Теперь надо беречь всё, что мы привезли на нашем судне. Всю бытовую утварь, включая даже туалетную бумагу и зубные щётки, благо у нас этого припасено на племя из сотни человек, – добавил мистер Грег.

– А бюстгальтеры куда девать? Их почти сотня! – надевая один из них размера XXL себе на голову, спросил, шутя, Мигель.

– Можете подарить своей блондинке, Мигель, а что не налезет или велико, пусть раздаст уже миссис Сара. Это по её части, – ответил серьёзно Грег, в то время как всех пробрал смех.

После этих слов экспедиция поделилась на две группы. Сара и Грег готовили из каюты команды нечто похожее на приёмную врача-хирурга, а Майкл и Мигель устанавливали датчики движения, подсоединяя их к сирене судна. Затем они достали телевизор с плеером CD и соединили его с судовым громкоговорителем. Выкатили на палубу и мопед, который, они посчитали, должен хоть как-то оправдать затраты на его покупку. Это была по стечению обстоятельств итальянская «Веспа». К вечеру всё было готово к приёму гостей, которые издали уже наблюдали за происходящим, боясь приблизиться из-за информации, полученной ими накануне в церкви.

И вот, чтобы произвести фурор и расположить местное население, Майкл выставил телевизор и включил звук, прямо на краю палубы, взяв диск с записью путешествия по современной Америке на английском языке. В следующий момент публика пришла в ожидаемый шок от видео- и аудиосигналов, ударивших по их психике. Потрясённые сильным звуком и абсолютно фантастическим для них миром, они стояли в полном ошарашивании с открытыми ртами. Некоторые начинали молиться, некоторые просто открыли рты в шокирующей безмолвии, а некоторые вообще отбежали от греха подальше. Но любопытство было огромным и, словно спрут, удерживало людей, не давая никому уйти. Одним было любопытно посмотреть телевизор, а другим, на борту, ещё более любопытно было наблюдать, как другие смотрят телевизор. Постепенно количество людей начинало прибавляться, и весь причал заполнился. И как только стемнело, Мигель решил добавить эффекта, включив на палубе освещение, о чём почти сразу пожалел. Часть зрителей, попятившись назад, столкнула в воду с другой стороны причала последние ряды. Возникли паника и переполох. На этом сеанс был прерван.

На следующий день пожаловал сам консул, чтобы посмотреть на живой чёрный квадрат. Он уже не боялся ступить на палубу, и, к счастью, с ним снова был Давиде. Подест со всей

серьёзностью осмотрел судно, а также большой сундук, что крутит винт и приводит в движение корабль, а когда Мигель включил ему телевизор и для спокойствия поставил диск ВВС о природе Карибских островов, подест был покорён такой живой картиной и сказал с сожалением:

– Ваш телевизор с живыми картинами – это не мой пьяница и баламут Караваджо с замершими картинами, какие вы видели у меня.

После того как подест осмотрел быт всех членов экспедиции, он был приглашён на приём к стоматологу. Сара смогла запломбировать ему два зуба и почистить остальные до белизны. А когда подест получил ещё в качестве подарка зубную щётку и два тюбика пасты, он не сдержался и подарил ей свой золотой перстень. Но чудеса для подеста на этом не закончились. Он впервые попробовал помыть руки мылом и голову шампунем, также ему подаренными. После чего шокированный подест с чувством глубокой признательности сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.